

Поехали всей семьёй на гору Утай, а в итоге, не подумав, подарили храму ещё одного маленького монаха. Цюй Гуй, отец Цюй Сяньяо, чувствовал, что это настолько нелепо, что ему хотелось плакать, но он не мог.

Даже помня о необходимости сохранять лицо перед посторонними, по тем нескольким сообщениям, что он отправил в группу, Линь Юйцин всё равно мог разглядеть за десятками коротких слов бесчисленные горести.

Наконец, Линь Юйцин, погасив улыбку, медленно вздохнул:

— Эх, растишь сына сто лет, а тревожишься за него девяносто девять.

Эти слова он сказал, вспоминая себя.

В семье Линь преобладали мужчины, и у него, в отличие от других, не было дочери, а родились два сына-близнеца. Линь Ци и Линь Линь появились на свет почти одновременно, и их переходные периоды, естественно, тоже наступили с небольшой разницей во времени.

Сначала Линь Ци, потом Линь Линь.

Линь Ци был очень разумным ребёнком. Чтобы не беспокоить семью и подать хороший пример младшему брату, он так хорошо скрывал своё состояние в начале переходного периода, что чуть не обманул даже его, родного отца.

Если бы не одна бессонная ночь, когда он, мучаясь от тревоги, бродил по коридору у комнаты сыновей, он бы никогда не увидел, как Линь Ци, притаившись в тёмном углу, вырывает страницы из книги, а затем, без всякого выражения, кладёт их в рот, жуёт и глотает. А потом его мучает сухая рвота.

Когда почти вся книга была растерзана, Линь Ци медленно открыл дверь. Из комнаты донёсся сонный голос Линь Линя:

— Брат, ты куда ходил? В комнате же есть туалет.

— Пить захотелось, ходил за водой. Разбудил тебя?

Слушая разговор сыновей, Линь Юйцин, стоявший в углу, опустил голову. Капля, похожая на слезу, упала на ковёр, оставив беззвучное тёмное пятно.

В последующие дни Линь Юйцин стал внимательнее следить за старшим сыном и обнаружил, что тот, такой же мягкий и рассудительный, как и он сам, втайне страдает пикацизмом.

Позже младший сын тайно сообщил ему, что с Линь Ци что-то не так: он постоянно выходит по ночам и, кажется, тайком рвёт книги, чтобы выплеснуть эмоции. Несколько книг в их комнате уже были испорчены.

Младший сын ещё и жаловался, что если уж Линь Ци хочется рвать, то пусть рвёт, это помогает выпустить пар. Зачем делать это тайком?

В конце концов Линь Линь попросил его не говорить Линь Ци, что он знает о его ночных вылазках. Линь Ци дорожит своей репутацией и не хочет, чтобы о нём беспокоились, он это понимает.

Линь Юйцин с улыбкой согласился и попросил младшего сына быть в это время снисходительнее к брату.

— Ты прав. Раз он делает это тайно, значит, не хочет, чтобы кто-то знал. Давай сделаем вид, что мы ничего не знаем.

А затем он заказал партию новых книг, напечатанных на рисовой бумаге съедобными чернилами. Одну за другой он искусственно состаривал их и постепенно заменял все книги в комнате сыновей.

А через год наступил черёд Линь Линя. В тот день он, скрыв от него, пошёл на концерт своего любимого певца, да ещё и тайком пробрался за кулисы, используя его связи. Оба ребёнка думали, что всё скрыли, но они не знали, что зрители, сидевшие вокруг Линь Ци, с восторженными лицами слушавшие концерт, на самом деле были людьми, которых Линь Юйцин нанял для присмотра за Линь Линем.

У каждого есть свои тайны, и это была тайна отца.

Нынешний Цюй Гуй, по сути, был таким же обычным отцом. То, что для других было лишь поводом для шуток и пересудов, для его семьи было настоящей болью.

Линь Юйцин подумал, что... кхм, нужно сдержаться. Он не может, стоя на безопасном берегу, насмеяться над теми, кто ещё борется с течением. Да, именно так.

Поэтому Линь Юйцин перестал улыбаться и вместо этого дал ему в группе совет.

[Линь Юйцин: @Цюй Гуй, ты сначала выясни, почему твой сын так упорно хочет стать монахом. Поймёшь причину — сможешь найти и решение.]

[Линь Жао: По-моему, ты его просто мало бил. Привяжи его дома, выпори как следует, и все проблемы решатся.]

[Линь Юйцин: Линь Жао, не разобравшись, не лезь. Ребёнку и так тяжело, а ты ещё предлагаешь его бить. Что-то я не помню, чтобы господин Линь в детстве тебя бил.]

[Цюй Гуй: Бить его нельзя, я даже голос на него повесить боюсь, прошу его двоюродного брата помочь. Причина... наверное, слишком сильный стресс от переходного периода. Я ему с детства твердил, а он только фыркал и смотрел свысока на тех, кто из-за переходного периода на стенку лез. Теперь вот сам хлебнул горя. Наверное, под влиянием двоюродного брата, который тоже в монахи собрался, совсем голову потерял, я боюсь его лишний раз волновать. @Все, что мне делать?]

Все, кто до этого активно советовал, мгновенно замолчали. Даже Линь Жао, который подбивал Цюй Гуя выпороть сына, больше не подавал признаков жизни. Наконец, он молча написал:

[Линь Жао: Я лучше ещё денег в исследовательскую лабораторию вложу. Брат, это всё, чем могу помочь.]

И правда, что тут посоветуешь? Причина — переходный период. Как это решить? Проще решить проблему с самим сыном Цюй Гуя.

Линь Юйцин закрыл телефон, подошёл к Фэйфэю, наклонился и, погладив его по голове, спросил:

— Фэйфэй, ты знаешь, что такое «улыбка от созерцания цветка»?

Малыш, только что допивший свою чашку молока после каши, сейчас сидел с довольным видом, от него пахло сладостью. Он поднял голову на вопрос дяди и, серьёзно подумав, объяснил, как он это понимает:

— Хм... это значит, что цветок такой красивый, что люди, увидев его, хотят потрогать и улыбаются.

Уголки губ малыша были в молоке, и Линь Юйцин вытер их салфеткой.

— Фэйфэй правильно говорит. Увидев красивые цветы, люди радуются.

Услышав, что дядя с ним согласен, малыш очень обрадовался и с лёгким хвастовством пригласил всех:

— Фэйфэй с бабушкой посадили в саду цветы, и они сегодня расцвели. Завтра Фэйфэй

приглашает всех посмотреть, хорошо?

Слов было недостаточно, и Фэйфэй развёл ручки в стороны, показывая, что они с бабушкой посадили не один-два цветка, а очень-очень много, и все они расцвели. Фэйфэй сегодня видел: целые клумбы полураскрытых бутонов, очень красивые.

Конечно, никто не отказался от такого щедрого приглашения. Линь Гохун даже предложил, что в саду есть беседка, и завтра можно взять туда закуски и чай. Фрукты можно будет сорвать прямо с деревьев. Все будут сидеть в беседке, есть сладости и любоваться цветами Фэйфэя.

Это предложение очень понравилось малышам. Линь Яо и Фэйфэй, единственные дети за столом, захлопали в ладоши.

Чуть позже дядя Линь Цзинли, воодушевившись, завёл с дядей Линь Юйцином серьёзную дискуссию о том, «не было ли производное значение “улыбки от созерцания цветка” изначально придумано кем-то в качестве оправдания за срыв цветов».

Так что, как оказалось, даже самые богатые и влиятельные люди, те самые властные и надменные магнаты, которые, по слухам, одним движением брови могут обрушить экономику страны, в свободное от дел время обсуждают довольно скучные темы. И вовсе не всегда, склонившись над картой мира, решают, где бы им ещё расширить свою бизнес-империю.

Для Фэйфэя этот день прошёл очень спокойно. В силу своего возраста он ещё не понимал взглядов, полных скрытого смысла, которые время от времени бросали на него братья и в которых читалось: «Малыш, ну ты и натворил дел».

Так, в один ничем не примечательный день, Фэйфэй, как обычно, выпил молоко, как обычно, пошёл с папой в ванную, как обычно, послушал сказку на ночь и, как обычно, заснул, и ему приснился ничем не примечательный сон.

Сны детей всегда полны фантазий и непредсказуемы. В ту ночь Фэйфэю приснился обрывочный сон о цветах. Во сне было бескрайнее, разноцветное море цветов.

Сакура и зимняя слива соревновались в красоте. Царица ночи распушталась под ярким солнцем. Водяная лилия глубоко укоренилась в земле, и от дуновения ветерка её нежные лепестки трепетали на ветру.

Глядя на это буйство красок, сознание малыша парило во сне. Он смотрел на бесчисленные цветы и растерянно бормотал:

— Так много цветов, даже встать негде. Можно было бы немного раздать, но кому? Только тому, кто любит цветочки.

«Мне!!» — кричал во сне Цюй Сяньяо. — «Отдай их мне!!! Я люблю!!»

***

В далёком монастыре Шаолинь на горе Утай, в келье.

Цюй Гуй заметил, что с Цюй Сяньяо что-то не так. Мальчик явно спал, но выражение его лица было странным.

Сначала он выглядел так, словно увидел нечто долгожданное, и на его лице застыла глупая и восторженная улыбка. Затем он дважды хихикнул. В пустой келье этот смех прозвучал жутковато.

После смеха мальчик на кровати ненадолго затих.

Цюй Гуй подумал, что сын просто разговаривает во сне, и, понаблюдав немного, успокоился. Он взял подушку и лёг на ту же кровать, что и Цюй Сяньяо.

Изначально он с женой спал в соседней келье, но жена перед сном, беспокоясь о сыне, выгнала его из комнаты и велела спать рядом с ним.

Цюй Гуй подумал, что это разумно. Вспомнил случай с Лу Янем, двоюродным братом сына: стоило отвлечься, как тот уже обрил себе полголовы.

После такого урока Цюй Гуй решил, что за сыном нужно следить в оба.

Он снял пиджак и собрался лечь, чтобы хоть как-то перекантоваться ночь. Но едва его голова коснулась подушки, и он начал задрёмывать, как услышал, словно раскат грома, крик Цюй Сяньяо:

— Отдай мне!!! Я люблю!!

Цюй Гуй от неожиданности подскочил. Он посмотрел на сына, который кричал, как громом поражённый, но всё ещё не просыпался.

Он не проснулся, но его телодвижения были весьма красноречивы. Он протянул руки вперёд и стал хватать воздух. Его бормотание во сне становилось то громче, то тише.

Тихо и нежно:

— Золотой мальчик, спасибо тебе. Цветок, твой цветок такой красивый.

Громко и воинственно:

— Лу Янь, собака! К бою!

С жалобным стоном:

— Цветок, цветка нет! Нет! Куда он делся?

Наконец, Цюй Сяньяо, на глазах у обеспокоенного отца, резко открыл глаза. В них стояла боль от потери чего-то драгоценного. Он стиснул зубы:

— Лу Янь! Сегодня либо ты, либо я. Верни мой цветок!

Сказав это, он, даже не обувшись, в одной пижаме до колен, вскочил с кровати и резво выбежал из кельи.

<http://bllate.org/book/13654/1602425>